

ТЕМНЫЕ СЕКРЕТЫ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ТРИЛЛЕРЫ
○
ТАИНСТВЕННЫХ
СМЕРТЯХ

АЛЕКСАНДР
БАРР

ЧЕРНЫЙ
ДНЕВНИК

ЭКМО
МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б25

Оформление серии *Петра Волкова*

Иллюстрация на переплете *Алексея Дурасова*

Барр, Александр.

А23 Черный дневник / Александр Барр. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Темные секреты. Психологические триллеры о таинственных смертях).

ISBN 978-5-04-171593-9

1939 год. Полковник государственной безопасности выходит через заднюю дверь во двор. Осужденных уже выстроили в ряд, лицом к красной кирпичной стене. Стрелковое подразделение готово.

За минуту до исполнения приговора полковник получает конверт с пометкой «срочно». Вскрывает. Там приказ об отмене казни. Все осужденные реабилитированы.

Но полковник молча прячет конверт в карман.

Минуту спустя приговор приведен в исполнение. В числе врагов народа — и тот странный шаман без имени и фамилии, которого полковник на допросах называл Чукчей. Шаман ему угрожал, проклинал и заверял, что проклятие будет передаваться из поколения в поколение, пока, страдая и каясь, не погибнет последний из потомков полковника.

Много лет спустя при странных обстоятельствах повесился молодой человек Влад. В предсмертной записке он сообщил, что у него не было иного выхода после того, как он узнал, кем был и чем занимался его дед...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171593-9

© Барр А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

* * *

— Но как я пойму?

Молодой ученик смотрит своими голубыми глазами на наставника. Парень растерян. Он слышит зов. Чувствует. Но ему не хватает знаний. Без теории сложно переходить к практике. Вдобавок ему страшно. Не хватает решимости заглянуть в глубь прошлого.

— Скажите хотя бы, что я должен увидеть? На что обращать внимание? Чего ждать? Мне стоит опасаться или...

— Просто смотри! — перебивает грубый голос старика. — Не я, огонь ответит на все вопросы.

— Дайте подсказку.

— Я не знаю, чем тебе помочь.

Старик, естественно, врет. Он прекрасно знает, что и как должен увидеть его ученик. Старик знает все о мире духов, зовет предков. Он сотни раз находил пропавших людей и лечил смертельные болезни, общаясь с духами у костра. Он слышит зов. Ни один человек на планете не сравнится с наставником в поисковом деле. Любой, даже самый опытный следователь позавидует способностям старика.

— Но ведь вы...

— Молчи! Духи выбрали тебя. Значит, ты сможешь. Только огонь. Никто другой не научит, как стать великим Предвестником. Ни на кого не рассчитывай. Ты должен сам.

Наставник сминает в ладони и бросает щепотку листьев в костер. Он показывает ученику на бубен, склоняет голову и отходит в сторону.

— Почувствуй, — шепчет старик. — Ты сумеешь. Ты справишься, будущий Табилгатай зарин.

Руки поднимают шаманский бубен.

Тук-тук.

Ноги несут тело ученика вокруг костра в хаотичном танце.

Тук-тук.

Шея запрокидывает голову к облакам. Веки закрывают голубые глаза.

Снег тает, превращается в мокрую грязь. Вовлекает за собой ученика в глубокий транс, в запретную бездну подсознания.

Тук-тук.

* * *

— Ох, сейчас кто-то обрадуется. Как считаешь?

Девушка торопится.

Она практически бежит и на ходу в голос разговаривает.

Со стороны может показаться, что говорит она по телефону — при помощи одного из тех устройств, которые вставляют в ухо и потом с очумелым выражением на лице сообщают фонарному столбу или случайному прохожему, что хлеб куплен, что из-за дурацких пробок встреча переносится, что подруга оказалась тварью двуличной, или вовсе признаются в страстной любви грязной витрине магазина «Все по пятьдесят» с покосившимся одноногим манекеном в гавайской рубашке.

Но девушка не говорит по телефону.

Она не пользуется этим плодом цивилизации.

Девушка считает, что это его вредное излучение вызывает у людей рак. А уж она-то не понаслышке знает об этой проклятой болезни и не собирается умирать, как ее бедная мать, прикованной к больничной койке и мучаясь болями после очередной химиотерапии.

— Папаша твой тот еще придурок, знаю. Но он все же должен будет обрадоваться.

Закрадываются сомнения, но девушка тут же отгоняет страх и продолжает разговаривать со своим животом, в котором, к слову, еще только-только зарождается жизнь. Об этом радостном факте свидетельствуют целых две полоски на дешевом тесте на беременность, который девушка, краснея и бледнея, купила утром в ближайшей аптеке и несет теперь в кармане, чтобы гордо продемонстрировать сей бесценный трофей своему будущему, без сомнений, супругу.

— Он тебе понравится. Он веселый. И добрый. И... Он же не может тебе не понравиться? Ты же его сын... доченька. Нет! Я знаю точно, ты сынок. Сыночек. Это же сразу понятно. Я чувствую.

Ее ноги словно парят над асфальтом. Переносят стройное тело девушки в другой мир, подальше от хмурых лиц, от шумных улиц.

— У твоего папы скоро день рождения. Вот же отличный подарок мы с тобой приготовили! Согласен?

С головой погрузившись в увлекательную беседу со своим желанным ребенком, девушка не замечает, как выходит на середину оживленного перекрестка. Она улетает в свои фантазии, и лишь свист тормозов и протяжный вой автомобильного гудка выдергивают ее в реальность.

Машина останавливается в полуметре от испуганной девушки, и из окна высовывается голова рассерженного мужчины.

— Куда лезешь, дура? Цвета различаешь? Совсем ошалели наркоманы малолетние! — кричит водитель через опущенное стекло. — Себя не жалко, так хоть о других подумай!

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

— Курица безмозглая! — подключается писклявый голос женщины с пассажирского сиденья.

Девушка разворачивается и со всех ног бежит к тротуару, чуть было не угодив под колеса проезжающей по соседнему ряду малолитражки.

Очередной визг колес и рассерженный гудок провожают ее сверкающие пятки долой.

Она садится на углу дома прямо возле мусорного бака, обнимает колени и плачет.

Слезы льются по щекам.

Она не плакала почти два года. С тех самых пор, как они с отцом похоронили ее маму. Не плакала она, даже когда на катке поскользнулась и сильно вывихнула ногу, после чего неделю провела с тугой повязкой. Не плакала, когда выяснилось, что у ее отца и младшего братика та же проклятая болезнь, что забрала ее маму. Тогда девушка не проронила ни слезинки.

— Нарушаем, гражданочка? — слышится строгий голос.

Инспектор.

Естественно.

И он, естественно, все видел.

Слезы мгновенно высыхают. Грусть сменяется злостью и досадой.

Ну как так? Почему, когда он нужен, не дозовешься? Зато в самый неподходящий момент полицейский тут как тут.

Их где-то такому учат? Есть какие-то специальные курсы у них там, в чертовой школе полицейских? Курсы для тех, кто хочет появляться в не лучшее для людей время и усугублять и без того дурацкое положение?

— Что молчим? Документики, пожалуйста.

— У меня нет.

— Здрасьте, приехали. Тогда придется пройти со мной в отделение для выяснения...

— Не надо, пожалуйста. — Девушка хотела бы сейчас заплакать, но, похоже, слезы закончились. — Я больше так не буду. Больше. Обещаю.

Полицейский кривит снисходительную улыбку и двигает пальцем из стороны в сторону.

— Что мы тут? Детский сад устраивать будем? Нарушать, значит, это мы запросто, а как отвечать за проступки, это мы больше так не будем, обещаем. Так?

— Сколько?

Зря, кстати, она это сказала. Кажется, этот вопрос лишь сильнее разозлил полицейского.

Девушка всего лишь хотела уточнить размер штрафа, ведь за подобное нарушение, в ее понимании, полагается штраф, никак не арест. Но полицейский, похоже, расценил ее грубый тон как намерение предложить ему взятку.

— Ну, милочка, теперь точно не разойдемся. Я собирался отпустить тебя с устным замечанием, но теперь поедем выяснять... Да-да. Не всхлипывай. А как иначе? Вдруг ты рецидивистка и в розыске. Личность установить возможности не имею.

— Вика, — торопливо произносит девушка и смотрит в глаза инспектору. — Крамова Виктория Александровна.

— Очень приятно, Виктория Александровна Крамова. А сколько вам лет и где проживаете, случайно не припомните?

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

— Семнацц... вернее, мне уже восемнадцать лет.

Полицейский меняется в лице. Он удивлен.

Вика выглядит гораздо старше своего возраста.

Инспектор ожидал услышать, что ей двадцать пять, ну, может, двадцать три. Никак не семнадцать, вернее, уже восемнадцать лет.

— Давайте позвоним папе? — Ей бы очень не хотелось беспокоить отца, но сейчас у нее не остается выбора. — Он вам все объяснит. Он сразу придет и поможет.

— Ладно, девочка, — неожиданно меняет интонацию полицейский. — Смотри аккуратно в следующий раз. Переходи только в положенном месте и только на предусмотренный сигнал светофора. Договорились?

Вика растерянно кивает.

— Всего доброго, — бросает напоследок полицейский и уходит.

Девушка возвращается и садится на свое место возле бака.

Вика размышляет о том, что теперь ей нельзя быть такой беспечной. Теперь она отвечает не только за братика и папу. Теперь она будущая мать, и ей нужно научиться заботиться о своем ребенке.

— Все хорошо, малыш. Мы в безопасности, — говорит Вика и гладит свой живот. — Не беспокойся, я не дам тебя в обиду.

Девушка поднимается и уверенным шагом идет дальше.

От ее прежнего приподнятого настроения не осталось ни следа, но она переключится.

Она знает, что как только увидит отца своего будущего сыночка, радость не получится сдержать. Он,

конечно, специфический человек. Порой грубый. Вспыльчивый. И он не собирался заводить детей, впрочем, как и Вика, но он порядочный и не предложит, даже не подумает предложить избавиться от драгоценного ребенка.

В этом Вика практически не сомневалась.

Девушка заходит в подъезд.

Изрисованные стены, мокрые, дурно пахнущие углы, облезшие шатающиеся поручни. Ничто не испортит Вике настроение. Девушка поднимается по лестнице.

Второй этаж.

Девушка машинально проверяет пустой почтовый ящик. На нем кто-то синим маркером признался в любви неизвестной Кристине и нарисовал вокруг надписи сердечко.

Вику каждый раз умиляет эта надпись. Чьи-то влюбленные пальцы старательно выводили на металлической дверце трогательные слова. От сердца. От души. Пусть и с ошибкой в имени.

Надпись гласит: «Ты моя любимая Кристина».

Третий.

Вика шагает по ступенькам и отмечает, что на более позднем сроке ей будет сложно добираться на пятый этаж в доме без лифта.

Четвертый этаж.

Пятый.

Ключи от квартиры у Вики есть, но ей не хотелось бы самой отпирать. Она представляет, как ее любимый проворачивает замок, открывает дверь. Он стоит в проеме и смотрит на нее. А она с порога набрасыва-

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

ется ему на плечи, целует и шепчет на ушко секретную радостную новость.

А еще Вика просто боится его реакции.

Она знает, какими жестокими иногда бывают мужчины.

У нее очень строгий отец, и он наверняка прогонит ее из дома, когда обо всем узнает, но любимый еще вспыльчивее. Она подозревает, что реакция может быть самой разной. Он может начать психовать и кричать.

А может, обрадуется.

— Я беременна, — шепчут ее губы, как бы репетируя.

Рука тянется к звонку.

Вика чувствует, как трясутся у нее колени. Она несколько раз глубоко вдыхает и выдыхает. Снова репетирует фразу, которую вот-вот прошепчет любимому.

Она хочет, она обязана звучать убедительно и уверенно, чтобы он сразу понял, что независимо от его желания она сохранит ребенка. И чтобы он, не дай бог, не предложил ей аборт.

Дин-дон.

Сердце Вики начинает биться чаще.

Она переминается с ноги на ногу. Девушка с трудом перебарывает свое навязчивое желание спрятаться от пугающего разговора, развернуться и удрать.

Динь-дон, динь-дон.

Пальцы сами продолжают жать на звонок.

Динь-дон.

Никто не открывает.

Ну как так? Волна негодования вновь накатывает. Неужели этот придурок совсем не чувствует момент?

— Вот куда его понесло в такую рань?

День-дон.

Вика прислоняется ухом к двери.

Тишина.

Никого.

Наверное, он собрался стать полицейским и сейчас сидит на тех самых спецкурсах, которые посещают инспекторы, желающие перестать чувствовать ситуацию и разбираться в моменте.

Уйти?

Подкараулить на улице, дождаться его возвращения и потом вновь подняться, чтобы все произошло как запланировано?

Глупость!

Вика не была глупой. Наивной, да. Но не дурочкой. Она вставляет ключ.

— Ничего, мой хороший, значит, подождем твоего папашу дома. Это, кстати, теперь и твой дом тоже.

Она не раздеваясь проходит на кухню.

— Сейчас будем пить чай.

Вика отдергивает занавеску.

— Ты какой любишь?

Она говорит, продолжает гладить живот и привычным движением достает из шкафчика упаковку чая.

— Я вот обожаю ягодный. Но только без сахара. Не против, если мы с тобой выпьем ягодный?

Вика набирает чайник и ставит на плиту.

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Она снимает сапоги, к слову, мамыны. У них с отцом хватает денег на новую обувь, но Вика предпочитает носить именно мамыны.

Вика ставит сапоги под стол и смотрит на пепельницу.

— Все, мой хороший, мамочка больше не курит. И думаю, — она подмигивает сама себе и улыбается, — у меня получится уговорить твоего папу тоже бросить эту гадость.

Вика замечает, что один из окурков в переполненной пепельнице все еще тлеет.

Недокуренный синий «Винстон».

— Влад? — Она пробегает взглядом по потолку от угла до угла. — Владик! Ты дома?

Нехорошие мысли закрадываются в ее голову.

Он, наверное, не один.

Он.

Наверняка не один.

Вика сегодня ночевала у себя. Значит, он, предатель, привел сюда какую-то девицу.

— Поэтому не открывал мне дверь?

Вика мгновенно перемещается в спальню.

Она, естественно, не успевает оценить всю абсурдность своего дурацкого предположения. Нелепость. Ведь у нее же есть ключи, она же беспрепятственно может зайти в любое время. И он миллион раз клялся, говорил, что любит только ее.

Пусто.

В спальне никого.

Девушка возвращается на кухню, по пути смеясь над своей детской подозрительностью и недалекостью.